

Владимир Комарьков

ДАЖЕ СМЕРТЬ

не различит их

0+



Владимир Валерьевич Комарьков

Даже смерть не разлучит их

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64020068

SelfPub; 2021

Аннотация

Выпускник академии получает шанс стать координатором колонизации нового мира.

Владимир Комарьков

Даже смерть не разлучит их

Очиститель воды опять барахлил, и Фердинанд тут был не при чём. Сегодня из-под крана текла красно-коричневая жижа, на которую смотреть-то страшно, не то что пить. Франц поморщился и вытряхнул из кружки все, что успел набрать, – надо будет заняться фильтром, а то не хватало ещё травануться. Он мысленно усмехнулся: вот будет умора, если он застрянет в туалетном блоке. Улыбка скользнула по его лицу, едва он представил картину и масштаб бедствия. Уборка в этом помещении стояла у него на последнем месте по привлекательности. Хотя нет, пожалуй, она находилась на одном уровне с лазаретом – тот на станции использовался крайне редко и давно пришел в запустение. Франц уже не помнил, когда болел, – хоть система кондиционирования и в конец устарела, комфортный уровень температуры и влажности поддерживался исправно; никаких посторонних микробов и вирусов, кроме тех, к которым у него давно выработался стойкий иммунитет. Пара несчастных случаев, когда помещение превращалось в филиал холодильника, не в счет – ему удавалось быстро устранить неисправность, и он снова наслаждался теплом.

Франц на лифте добрался до контрольного пульта. Отсюда

открывался великолепный вид на планету внизу: материки, моря, горы – все как на ладони. Шарик земного типа – редкость даже по галактическим меркам. Если выпускнику космической академии предлагают место, от которого у любого новичка замирает сердце, что ему остается? София плакала, когда он объявил о том, что дал согласие на полный контракт. Дальний космос манил сильнее, чем тихая, спокойная жизнь в метрополии под боком у влиятельных родителей и женитьба на первой красавице курса. Ему хотелось доказать, что он и сам чего-нибудь стоит, что все взгляды приятелей, в глубине души прятавшие затаенную зависть, получены незаслуженно.

Как ему говорили? Человек придет на эту планету полномочным хозяином! До колонизации один шаг! Автоматический зонд девять лет собирал данные в автономном режиме, и теперь Корпорации требовался подготовленный человек, чтобы руководить финальным этапом. Один год перед началом освоения нового мира. Один год в одиночестве, наедине с машиной, отчетами, картинкой планеты на мониторе и собственными мыслями о верности выбора. Зато какие открывались перспективы!

Отец же откровенно назвал его идиотом. Карьеру, по его мнению, не стоило начинать будучи отправленным к черту на рога, да еще и на целый год. Признаться, Франц тогда едва не дал задний ход, настолько страшен в гневе оказался отец и его молнии с громом, от которых не спасало ни расстоя-

ние, ни парочка хороших друзей, которых он попросил прикрыть его как раз на такой случай. Пережил бурю он благодаря природному упрямству, доставшемуся ему от матери, и всплывающих в памяти презрительных улыбка знакомых по академии. Только богу известно, сколько нервных клеток сгорело, когда он прямо заявил отцу, что хочет сам выбирать свой путь. Франц горько усмехнулся: сколько раз он пожалел о том, что всё-таки «выдержал» гнев родителя. Сколько раз за эти тридцать девять лет клял себя за упрямство и кидался на стену от безысходности. Каким же идиотом он был!

Пальцы пробежались по пульту – сканирование планеты производилось по секторам. Иногда Францу казалось, что он знает о ней уже больше станционного анализатора. Процедура закрепились на уровне мышечной памяти, так что, появившись у него шанс смыться со станции, наверное, и тогда он будет подсказывать среди ночи, чтобы перезапустить сканер. Процедура... Какое громкое слово! Сколько этих процедур уже потеряло для него всякий смысл? Сколько бессмысленных действий он повторяет изо дня в день просто потому, что они помогают не скатиться в безумие.

Станция – небольшой кусок железа, вращающийся вокруг планеты рассчитанный на одного человека, без шаттла, без возможности межзвёздной связи, ибо даже самый современный передатчик без ретрансляторов не доставал и до пятой части требуемого расстояния, без особых удобств, но с гид-

ропонным садом и устройством рециркуляции воды. Теоретически запасов на одного человека хватало, чтобы продержаться несколько лет. Одно время он гадал, что могло случиться. Догадки выстраивались в его воспаленном мозгу, как солдатики на плацу. Впрочем, сейчас, как и в любые времена, важен результат, а не причины, повлекшие за собой столь печальные для него последствия: у людей, отправивших его далеко за границу изученного космоса, вдруг изменился вектор интересов, и то, о чем Франц думал, как о «передовой», превратилось в забытую всеми глушь. Причём, местонахождение станции оказалось настолько неудачным, что вот уже почти четыре десятка лет он торчит на геостационарной орбите без всякой надежды вернуться.

Зато юридический отдел Компании, словно в насмешку, раз в год регулярно высылал ему форму номер тридцать четыре на продление контракта и даже добавлял несколько процентов, чтобы покрыть инфляцию. Какая в этой дыре инфляция?! Здесь даже цифры на часах замерли уже через год после запуска станции.

Господи, как он гордился своим решением! Страх в глазах товарищей, наоборот, придавал ему сил. Трудности? А зачем тогда он столько лет грыз гранит учебы? Каждая оценка, каждый балл – он боролся даже за десятую часть. Дружья зачастую только качали головами, видя, как он «выжимает» из себя все до капли. Ему казалось, что вся его судьба ведет к каким-то невообразимым свершениям. Возможно, у него

на роду написано подвиг во имя всего человечества, и планету, чем черт не шутит, назовут его именем. Теперь, с высоты прожитых лет он понимал, что автоматика станции рассчитана на любого, кто может отличить «красное» от «зеленого». Ну или на таких вот отличников, как он. Да ей может управлять даже уборщица, вот только ее не заманишь сюда никакими деньгами. А ему в тот момент можно было «втюхать» что угодно, и он помчался бы на край света, горя идеей.

Впрочем, не только идеей, его сманили и деньги: этот год сулил ему столько же, сколько их семья не зарабатывала за тридцать. Услуги разведчика-координатора оплачивались по двум высшим разрядам, и некоторые счастливики, отслужив по контракту год или два, возвращались миллионерами. Конечно, все риски закладывались в премию, но раньше ничего подобного не случалось – все командировки закрывались в срок.

Франц вставил в приемник новую карту памяти, и компьютер привередливо заурчал.

– Ну и что тебе не нравится?

За десять лет Франц научился разговаривать с пультом управления, ещё пять лет ушли на то, чтобы понять, что бездушная железяка что-то бубнит в ответ. К двадцати пяти с ним болтала вся станция, а еще пара лет позволила ему довести это умение до совершенства, и стало казаться, что так было всегда. К счастью для него, он понимал, что происходящее выходит для него за пределы нормы. К несчастью, –

понимал и то, что ему на это плевать.

Память человека зачастую помогает забыть о трудностях, но Франц помнил, с чего все началось. После десятого месяца, проведенного на станции, он начал грезить возвращением в родной мир. Франц планировал все до последней детали: на чем прилетит на планету, какие фото сделает в ресторане межгалактического лайнера, кому позвонит, чтобы его встречали, о чем будет рассказывать друзьям.

Обязательно, просто необходимо все обставить с блеском! Так, чтобы все те, кто смеялся над ним, когда он улетал, осознали всю глубину ошибки! Так как практически весь день состоял из свободного времени, планы по «покорению» родного мира постоянно расширялись и видоизменялись, становясь все грандиознее. Франц с удовольствием жмурился, представляя реакцию человека, но проходило время, и ему начинало казаться, что стоит добавить к задуманному ещё пару деталей.

Фердинанду за завтраком он рассказывал, как утрет нос родному папаше, козырнув счетом в банке. Отец не единожды угрожал ему исключить из завещания и лишит денег семьи. Теперь-то все угрозы казались смешными и не стоили выеденного яйца – к окончанию срока контракта сумма на счете уж точно перевалит за миллион. В тренажерном зале его тянуло поговорить о Софии. Боже, как он мечтал предстать перед ней подтянутым, стройным франтом! Он помнил, как она плакала перед отлетом. Ему приходилось успо-

каивать девушку, уверяя, что вахта не продлится долго и ему суждено вернуться героем. А Петер и Марк? Он утрет нос этим заносчивым выскочкам, когда зайвится на вечеринку в смокинге и в кабриолете!

Когда он впервые получил письмо о продлении контракта, то не поверил своим глазам. Оказывается, в бумагах ему прописали пункт, согласно которому Корпорация вправе продлить пребывание на станции, если отправка пассажирского модуля не будет оправдывать экономические издержки. Уже к девятому месяцу пребывания на орбите Франц принялся отсчитывать дни до отправки домой, новость же о том, что его ждёт ещё год прозябания на высоте двухсот километров над поверхностью «перспективного» планетоида, повергла его в шок.

Контракт занес его так далеко, что даже почта сюда доходила только вместе с кораблями технической службы – раз в три месяца Корпорация посылала беспилотный модуль, чтобы забрать результаты изысканий, передать сообщения и пополнить запасы станции. С каждым его прилетом Франц первым делом бросался разбирать почту, прокручивая видеосообщения от родных по несколько десятков раз, пытаясь уловить нюансы, гадая о недосказанном и отвечая каждому, кто попал в кадр.

На третий год пришло последнее письмо от Софии. Она почему-то написала его на бумаге, и было ему особенно дорого – в нем девушка писала о любви и вспоминала об их

первой встрече. Он перечитывал письмо Фердинанду, пока бумага не стала рассыпаться руках.

На седьмую годовщину почтоприемник содержал только письмо от матери, в котором говорилось, что ее беспокоят усилившиеся мигрени и бессонница отца. Ни слова о друзьях, ни полслова о Софии. И само письмо – сухое, без лирических отступлений, без мыслей, без вздохов о тетушке Марте, в очередной раз выгнавшей мужа за пьянство. Как будто и не мама писала. Письмо почему-то тоже пришло на бумаге.

Больше из дома весточек не было. Как будто Франц прекратил свое существование у звезды с номером вместо названия и планеты, для которой даже номер казался роскошью. Понимание того, что он остался совершенно один, что там, откуда его принес одноразовый звездолет, больше его не ждут, как взрывом, разворотило душу. Несколько следующих лет они с Фердинандом ждали курьера с нетерпением страждущего. Так путник в пустыне высматривает оазис среди миражей. Сердце Франца отказывалось принимать очевидное. Все чаще его охватывал дикий гнев, обуздать который удалось только после того, как он едва не повредил механизм жизнеобеспечения.

Мысль о мучительной смерти надолго заставила его запереться в жилом блоке, откуда он выходил только для того, чтобы поесть. Он смутно помнил, что почти не появлялся в контрольном отсеке, забросив исследования, потеряв ин-

терес к книгам и видеоиграм. Ему было страшно, что он останется здесь навсегда. Потом в голову пришла мысль, что письма не приходят, потому что с близкими людьми что-то случилось, и он опять впал в продолжительную депрессию.

Может, отец прав, и ему не стоило уезжать? Может, это как раз он эгоист, и, уйдя из дома, показал, что не заслуживает их любви?

– Фердинанд! – Франц заглянул под стойку, кота нигде не было. – Куда ты подевался, негодяй?

Этой идее он был обязан Софии. Невеста подарила ему котёнка, чтобы при взгляде на него Франц всегда вспоминал девушку с иссиня-черными волосами. Молодой человек тогда посмеялся над затеей, да и живность брать на борт строжайше запрещалось добрым десятком инструкций, но пушистого зверя взял. Как он проносил его мимо системы контроля и прятал под эластичным термокобинезоном – история, заслуживающая отдельного рассказа, если бы Франц умел их писать. Дважды его чуть не поймали, а один – нашли несоответствие по лишнему весу пилота, но оказалось уже что-либо поздно менять – так пушистый «заяц» остался на борту, а Франц заполучил на животе полный набор отметин, демонстрирующих «покладистый» нрав безбилетного пассажира.

В Компании его «пассаж» оценили, и вычли из жалования, что в общем ничего не меняло. Котёнок же отправился с Францем в межзвёздное путешествие, оказавшись той самой

соломинкой, за которую цепляется утопающий, если поблизости не осталось ничего похожего на спасательный круг.

Фердинанд обладал фантастическим чутьём на настроение хозяина. Когда Франц «истекал» недовольством или по примеру отца метал громы и молнии, кот, как собака, сидел рядом и едва не вилял хвостом, преданным взглядом уткнувшись в его лицо. Он готов был часами выслушивать жалобы на судьбу, заботливо подставляя голову под широкую ладонь человека. Если же Франц находился в состоянии аффекта, кот просто прыгал ему на плечи и принимался тереться о щеку, издавая при этом звуки испорченного генератора и допотопного дизеля одновременно. Он один вытаскивал хозяина из депрессии и отвлекал от разговоров с кофейником.

Когда Франц едва не сломал систему жизнеобеспечения, именно Фердинанд сбил его с ног, прыгнув на грудь. Пушистый проныра словно почувствовал, что от этой штуковины зависит и его жизнь. Он визжал и царапался, норовя дотянуться своими когтями до любого открытого кусочка кожи, и защищал агрегат всеми семью килограммами отнюдь не жировой ткани.

Впрочем, покладистым и заботливым животное оставалось лишь до тех пор, пока Франц пребывал в унынии. Стоило человеку прийти в себя, улыбнуться, подумать о чем-то хорошем, как кот превращался в хитрую бестию. Он словно старался усыпить бдительность, а затем наносил удар: прогрыз шланг подачи сырья для автоматической кухни, ка-

ким-то чудом расстроил систему вентиляции, так что Франц некоторое время побыл в шкуре бедуина в пустыне; кошачий хищник рвал в клочья одеяла, когда ему казалось, что хозяин уделяет куску материи повышенное внимание, или грыз его носки. Однажды он даже пометил обувь, но был пойман на месте преступления и на целый день помещен в самодельную клетку, после чего, по-видимому, решил, что зашел чуть дальше красной черты и больше к биологическому оружию не прибегал.

Коту шел тридцать девятый год, и Франц только диву давался, что с живыми существами творит генетика. Ученые подарили Фердинанду возможность прожить жизнь практически идентичную человеческой, и Франц намерен был сделать все от него зависящее, чтобы «нелегал» и дальше портил ему кровь, когда они вернутся домой. За время, проведенное на станции, от его невесты в памяти осталось лишь полустертое имя, при слове «брат» сердце не двигалось с места. Родителей он помнил, раз в год вставляя в приёмник флешку с видеозаписью, на которой мама поздравляла его с Днём рождения и желала ему скорейшего возвращения. Она сидела в ее любимом кресле, напротив камина, а снимал, по-видимому, отец. Мама говорила, что он больше не сердится, и тоже ждет, когда Корпорация найдёт возможность его забрать. Она рассказывала, как ходила к какому-то начальству, и ей пообещали, что разберутся в сложившейся ситуации. Этому письму исполнилось тридцать четыре года.

Два года назад на станцию перестали прилетать даже автоматические челноки. Францу было все равно, ему даже не пришло в голову проверить запасы. У него не осталось каких-либо ожиданий. Он словно плыл по реке, где каждый день не отличается от предыдущего. Существование на станции скрашивал Фердинанд, и, если бы не его присутствие, смерть Франца мало чем бы отличалась от жизни. Иногда ему даже казалось, что это он живет ради кота, а не наоборот. Только с ним Франц чувствовал, что ещё не умер.

А Фердинанд ни в чём себе не отказывал и развлекался по полной. Иногда он хандрил, и прятаться приходилось уже человеку – кот бросался на него, стараясь вцепиться в топорщащуюся одежду. Однажды он сломал себе переднюю лапу, и Франц не спал две недели, выхаживая мохнатого бандита. В то время Фердинанд ковылял по станции на трех лапах следом за человеком и выл дурным голосом, если тому вздумалось опустить голову на подушку или любым другим способом обделять вниманием своего трехного покровителя.

Кот оказался любителем строгого распорядка: где бы Франц ни находился, Фердинанд неизменно заявлялся к нему и «требовал», чтобы хозяин уложил его спать или, если время шло к обеду, – как следует накормил. Работать без перерывов, по мнению кота, – дурной тон. Животное не стеснялось высказывать человеку свое мнение, Францу же, если он не хотел последствий, приходилось подчиняться – к тому же трудно работать, когда перед монитором кто-нибудь раз-

валился и ловит когтями пальцы на клавиатуре.

Однажды же он наакался какой-то химии, и Франц взвыл сам – кот еле-еле шевелился и хрипел, выкатывая глаза. Как пушистый экспериментатор выжил, ведомо одному богу, но Франц поймал себя на мысли, что молился все время, пока тот находился между жизнью и смертью.

И вот сейчас этот проказник опять потерялся. Франц ходил по станции и тряс миской с кормом, но кот не показывался, хотя раньше подобного «хитрого» хода оказывалось достаточно, чтобы выманить его из самых труднодоступных мест. Да, поесть Фердинанд любил и делал это со вкусом, растягивая удовольствие, строго придерживаясь правила, гласящего, что «еда усваивается лучше, когда за тобой наблюдают». Поэтому в обязанности Франца входил пункт о почтительном внимании к трапезе своего подопечного. Поставил миску – отойди, что ты, как маленький, но не вздумай уйти! Иногда человеку казалось, что учёные перестарались и дали животному слишком много мозгов, ну или вложили их не совсем туда, куда надо. И вот сейчас кот пропускал время трапезы, что с ним не случалось... да, в общем, Франц вообще по пальцам мог перечислить такие случаи. Даже сломанная лапа – не повод ходить голодным.

Франц обыскал пультавую, заглянул под обшивку в серверной, где Фердинанд любил греться под теплым потоком из воздуховода. Облазил столовую, даже зачем-то подвигал

стулья, которых и было-то всего два. Даже заглянул в тренажёрный зал, который кот не любил по причине излишне резких звуков, – все без толку, пушистого сорванца нигде не было. Ни в гидропонном саду, ни в библиотеке, ни в спальном блоке, ни в прочих помещениях числом три – кот отсутствовал везде, где только можно было представить в самых бредовых мыслях. «Ну не улетел же он на планету», – подумал Франц – лететь в общем-то просто не на чем: станция на этапе разведки не комплектовалась транспортом, способным опускаться на поверхность, о чем сам робинзон частенько очень сильно жалел.

После третьего безрезультатного обхода подряд, Франц тоскливо посмотрел на вентиляционную решётку и отправился за отвёрткой. Кто его дёрнул пожаловался на «скуку»? «Наверху» услышали его молитвы, и послали ему Фердинанда, который скучать катастрофически не любил, поэтому изобретал все новые развлечения для своего хозяина. В теории все воздуховоды на станции забраны решетками, и доступ к ним ограничен, но, зная своего сожителя, его находчивость и смекалку, Франц мог предположить, что кот добрался и до этой, ранее закрытой для него, части станции. Сигнал тревоги застал человека в тягостных раздумьях на пути к помещению, где хранился всякий «хлам» вроде отвёрток и пассатиж, пусть даже и на «космический» лад.

Рев баззеров герметичности станции сначала оглушил его, а цветовая иллюминация заставила зажмуриться. Впрочем,

Франц быстро пришел в себя: он бросился в центр управления – только там можно было определить, что с обшивкой и где возникла утечка. То, что к происходящему мог приложить свои когти Фердинанд, в голову не приходило: обшивка выполнена из сверхтвердого сплава, и даже коту не под силу с ним справиться. Возможно, ее повредил метеорит или какая другая напасть. В космосе всякое бывает.

Влетев в помещение, где находился пульт, Франц первым делом бросил взгляд на дисплей и похолодел: сигнал о разгерметизации шел из резервного шлюза, законсервированного так давно, что он о его существовании и думать забыл. Из-за того, что шлюз не использовался, в голове человека о той части станции давно сформировался образ тупика. И сейчас его индикатор на экране главного компьютера мигал красным цветом. Франц впился глазами в цифры, и его немного отпустило – воздух в шлюзе еще оставался, но давление постепенно падало. Мысли о Фердинанде ушли на второй план – кот в конце концов никуда не денется, а с разгерметизацией шутки плохи.

К счастью, вся станция проходила под грифом «тут рядышком», и запасной шлюз располагался практически за углом. Франц отключил сирену оповещения, и тонкий, на грани слышимости, свист возник в голове практически сразу, как только он оказался в коридоре, который примыкал к шлюзу. С каждым шагом звук становился сильнее и выше, заставляя ныть зубы и проникая в мозг. Когда перед ним

несокрушимой стеной встали стальные двери, свист превратился в визг, звук, казалось, шел от стен, а не от створок шлюза.

Франц приник к бронированному иллюминатору и попытался визуально оценить обстановку. В следующее мгновение его парализовало от ужаса: створки шлюза явно неплотно прилегали друг к другу. Воздух активно покидал громадное помещение; все, что полегче и не закреплено, перемещалось к створкам, ведущим в открытый космос. Но не это оказалось самым ужасным – примерно в середине стены, там, где размещались вентиляционные решётки, одна из перфорированных пластин отсутствовала, а в клубке проводов, торчавших из воздуховода, как флаг на ветру, трепыхался кот. Рвущийся наружу воздух пытался выдрать его из паутины, но животное отчаянно цеплялось за переплетение разноцветных жгутов. Фердинанд орал, разевая рот, и затравленно вертел головой. Сквозь узкую щель между створками кот не пролезет, но стоит закончиться воздуху, и его уже ничто не спасёт!

Франц метнулся к пульту управления шлюзом, но двери и не подумали подчиняться – автоматика руководствовалась не эмоциями, а показаниями приборов. Тело захлестнуло приступ паники. Как разблокировать двери?! Франц бросился обратно по коридору...

Они прибыли на станцию несколько часов назад через ос-

новной шлюз и сразу приступили к работе. И вот он первый результат...

– Вам когда-нибудь доводилось видеть такое, сэр? – Гарри попытался подвигать носом, чтобы унять в нем зуд – просто почесать под маской лёгкого полевого скафандра было довольно-таки затруднительно.

– Космос – странное место, – задумчив о протянул Фрэнк, глядя на фигуру мужчины на полу, покрытую хрусталиками инея. – Полетаешь с мое, поймёшь, что на всех удивления не хватит. Что там случилось?

Их двоих наняло агентство, занимавшееся аудитом имущества Корпорации. Раньше им не приходилось забираться так далеко от обитаемой части Галактики. В эту дыру не ходили регулярные рейсы, сюда не летали контрабандисты, и даже торговцы предпочитали обходить его стороной. Станция располагалась так далеко от обжитых районов, что выбраться отсюда можно было только на специальном сверхдальнем курьере, оборудованном жилым модулем. Конечно, если бы планету колонизировали, то оборудовали бы и промежуточные остановки, и запустили регулярное сообщение, но в Корпорации отложили решение в долгий ящик, а потом им стало не до того.

– Похоже, какой-то организм забрался в систему вентиляции, сэр, и каким-то образом повредил провода автоматики, ведущие к шлюзу. Станция старая, наличие животных не предусмотрено конструкцией, поэтому никакой защиты

не делали. В итоге система защиты сработала с запозданием и заблокировала открытие, но не сразу, – оба посмотрели на вертикальную щель между створками дверей сантиметров десяти не больше, сквозь которую проглядывали звёзды.

– Чертова тварь! – выругался Фрэнк. – Как оно вообще попало на станцию?

– Видимо, изначально прилетело вместе с ним, – Гарри ткнул в замороженный труп. – Я что-то такое читал в отчетах.

– Ну ладно, с этим все ясно, а этот идиот как здесь оказался?

Они оба склонились над телом, и Гарри воскликнул:

– Смотрите, сэр!

У человека из-под мышки выглядывала черно-белая мохнатая голова. Туловище животного скрывалось под всем этим нагромождением мороженого мяса. Человек словно пытался отогреть замерзающего зверька.

– Это кот, сэр, – уверенно произнёс Фрэнк. – Он что, поперся за ним в открытый космос в одной кислородной маске?!

Оба человека переглянулись.

– Похоже, сэр, когда началась декомпрессия, кота выдернуло из вентиляции, но не выбросило наружу – он запутался, – Гарри указал на квадратную дыру в стене, из которой высовывался клубок из проводов. – По-видимому, воздух выходил постепенно, и животное погибло не сразу.

– А этот кретин увидел, что его крысеныша сейчас выкинет в космос, и решил стать героем! – Фрэнк решил сплунуть, но передумал – в скафандре лучше не проявлять эмоции таким образом.

– Он обесточил пульт управления шлюзом и вручную раздвинул дверцы, – оба мужчины посмотрели на броневые створки толщиной в несколько сантиметров и топор, торчавший из развороченной стены.

Гарри посмотрел на начальника, с которым работал уже десять лет.

– Ему оставалось две недели до окончания контракта, сэр, – сочувственно сказал он.

– Которого по счету?

Гарри поднес к лицу коммуникатор.

– С ума сойти! Сорок лет! Он провел здесь уже сорок лет!

Фрэнк присвистнул.

– Не повезло парню. Корпорацию поймали на недобросовестном исполнении контрактов, но на этом бедолаге они, похоже, отыгрались по полной.

Гарри ухмыльнулся.

– Зато вернулся бы домой миллиардером.

– Черта с два! – оскорбился Фрэнк. – Корпорация хорошо платила таким чудакам, но их денежки держала в своих банках. Когда ее прижала к ногтю налоговая, монстр оказался на глиняных ногах и рухнул, погребя под собой все, – Фрэнк кивнул на мертвеца. – Вполне возможно, что кот – это все

его имущество.

Они помолчали.

– Прыгнуть вот так, – недоверчиво сказал Гарри, – за каким-то котом... не верится, сэр, что люди способны на такую дурость.

– Я думаю, это необычное животное, – задумчиво протянул Фрэнк. – Я слышал, на Новой Колумбии вывели таких вот питомцев с усиленной эмпатией и продолжительностью жизни, как у обычного человека. Говорят, проект прикрыли, потому что после долгого общения с ними люди не могли адаптироваться к реальности. Даже жен и мужей, представь, бросали ради таких вот пушистых любимцев.

Гарри только покачал головой.

– Вы правы, сэр, чего только не бывает в Космосе.

– А то! – хмыкнул Фрэнк, посмотрел на тела, и опять чуть не сплюнул. – С другой стороны, может и хорошо, что помер. Что ему делать за пределами станции? А тут даже смерть не разлучит их.

Он ещё раз огляделся.

– Ладно, заболтались мы, – он покачался на каблуках. – Вот что, ты давай заканчивай тут, и приступай к работе – у нас всего две недели. А я в комнату связи – узнаю, когда этот разгильдяй Селински думает нас забрать.

С делами управились дней за десять. Планету в ближайшее время никто колонизировать не собирался – время Кор-

порации прошло, и сорить налево-направо деньгами желающих не находилось. Что тут скажешь – смутное время! На станции же, несмотря на ее возраст, оставалось довольно-таки ценное оборудование, которое требовалось демонтировать. Этим они и занимались. Впрочем, уже пару дней как все работы оказались завершены, и от нечего делать Гарри засел за дневник бывшего обитателя станции. Неожиданно для себя, он увлекся чтением и потому не сразу заметил появление начальника.

– О! Сэр, это вы! – он подскочил. – Отчёт готов, а я тут обнаружил его дневник. Занимательное, я вам скажу, чтиво! Правда, на последних страницах в основном про кота...

Тут Гарри замолчал, обратив внимание на необычайную бледность своего босса, – его лицо цветом практически сливалось со скафандром.

– Сэр, что с вами? Что произошло?

– Селински не прилетит, – глухо проговорил тот. – Нам продлили контракт. На месяц.

Москва. 2021.02.13

Дизайн обложки: Комарькова Ирина, Комарькова Ярослава.

Модель: домашний кот Зефир.